

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 811.11(42)

Л. Б. Матевосян

СТЕРЕОТИПНЫЙ ПЛАСТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Аннотация. Язык имеет много пластов, один из них – стереотипный, являющийся составляющей структуры языкового (или «лингвокультурного») сознания, – подробно рассмотрен в данной статье. Автор на основании метода статистического анализа доказывает рефлекторную природу стереотипных высказываний и дает им социо- и психолингвистическое обоснование.

Описывается процесс возникновения стереотипных выражений, обусловленный прагматикой языка, его направленностью на общение, рождающей потребность в стандарте. Механизм образования стереотипных высказываний заключается в множественном повторении в однотипных речевых ситуациях, вследствие чего коммуникативные единицы, типизированно обслуживающие такие ситуации, воспринимаются как «связанные» устойчивые формулы.

Речевые стереотипы, как и всякие стандарты, менее информативны, чем нестереотипные. Однако это не уменьшает значимости их изучения, ибо они являются результатом аккумуляции общественно-исторического опыта и знаний.

В условиях массовой коммуникации выявление и фиксирование повторяющихся жизненных (бытовых и эмоциональных), а следовательно, и речевых ситуаций важно и целесообразно, так как наличие перечня/списка речевых единиц, обслуживающих подобные ситуации, поможет преподавателю-практику при обучении любому языку как иностранному.

Ключевые слова: социолингвистика, психолингвистика, языковое сознание, стереотипный пласт, стереотипные высказывания.

Abstract. The linguistic consciousness is regarded as a multilevel system, its stereotype level being one of the structural bases. Applying a statistic analysis, the author justifies a reflex-driven nature of stereotype statements

emphasizing their socio- and psycho-linguistic grounds. The paper describes a stereotype statement derivation, conditioned by language pragmatics, and focused on communication, which brings forth a need for standard. A stereotype statement development mechanism is based on a multiple repetition of a similar speech situation. As a result, communicative units used in such situations are perceived as steady correlated forms. Speech stereotypes, as many other standards, are less informative than non-stereotype forms. However, it does not undermine the significance of their studying, since they result from accumulation of socio-historical experience and knowledge.

Given the mass communication, the process of identification and fixation of repeated common, emotional, and therefore, linguistic situations, is important and appropriate; and a list of such stereotype units can be subsequently used in the process of teaching foreign languages.

Keywords: sociolinguistics, psycholinguistics, linguistic consciousness, stereotype level, stereotype statements.

Для современного языкознания в связи с постепенным расширением понимания языка чрезвычайно характерно появление новых «креализованных» (Ю. А. Сорокин) дисциплин.

Начало XXI в. ознаменовалось становлением новой парадигмы научных исследований, составляющими которой стали психолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, нейролингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникативно-когнитивная лингвистика, лингвокультурология, культурология, культурно-историческая психология, когнитивная психология. Перечисленные науки отражают различные грани общения, их возникновение и развитие является закономерным результатом развития научной и художественной мысли XX столетия.

Очевиден и повышенный интерес к устной разговорной речи (Е. А. Земская, О. А. Лаптева, О. Б. Сиротинина), к изучению целевых установок коммуникантов, к выявлению прагма-социальных, ролевых факторов в процессе общения (А. А. Леонтьев), к таким понятиям, как коммуникативные намерения, ожидания, эффекты (*интенции, иллокуции, перлокуции* – в терминах авторов «теории речевых актов» Т. П. Грайса, Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля), стратегии и тактики общения. В центре внимания лингвистов – составляющие акта коммуникации в рамках конкретных сфер и ситуаций общения.

Доминирующим направлением современных лингвистических исследований продолжает оставаться антропоцентрическое направление.

Проблема человека всегда приковывала внимание исследователей: философы и историки, психологи и социологи, литераторы и искусствоведы во все времена проявляли пристальный интерес к гомо сапиенс. Эту проблему не оставили без внимания и лингвисты, ибо человек думает и живет в языке. Язык не только средство общения, но и орудие мыслей и чувств, и его рассмотрение как орудия мыслей и чувств, по утверждению В. фон Гумбольдта, «основа подлинного языкового исследования» [5, с. 377].

Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров, Ю. Е. Прохоров называют XXI век в лингвистике веком «обостренного внимания к стереотипам». «Ведь стереотип, – пишут они, – облегчает коммуникацию, позволяя каждый раз заново не конструировать словосочетание или высказывание. Стереотипный язык противопоставляется эмоциональному языку и различим только на фоне последнего. Стереотипы, наконец, исчислимы. “Стереотипно” – не значит плохо. “Стереотипно” означает – быстро. Цель реализации стереотипов – затратив минимум языковых и поведенческих усилий, достигнуть нужного коммуникативного эффекта» [3, с. 5].

Стереотипны те высказывания, которые воспроизводятся в речи целиком и полностью, высказывания, которые имеются в виде готовых «речений» в мышлении и в лексике, в языковом запасе всех или большинства носителей языка. Отметим, однако, что многие из высказываний, которые сегодня оригинальны, завтра могут войти в стереотипный фонд русского языка. Регулятором выступают частотность и повторяемость тех или иных высказываний в речи.

Критерием стереотипности коммуникативных единиц являются *воспроизводимость, регулярная повторяемость* в речевой практике носителей языка. Фактором, отражающим воспроизводимость, регулярность, повторяемость стереотипных высказываний, выступает их высокая *частотность*:

- а) в исследованном материале разговорной речи;
- б) в языке современной русской художественной литературы, в частности драматургии и прямой речи персонажей прозы;

в) с точки зрения информантов, владеющих литературным языком во всех его функциональных проявлениях [11, с. 26–27, 165–200; 12, с. 27–28].

Все рождается, конечно, в речи. Противопоставлять речь и язык сегодня уже неразумно, потому что это диалектическое единство (еще в недрах Пражского лингвистического кружка была высказана мысль, что сосюрсовское противопоставление языка и речи – слишком жесткое, как и противопоставление синхронии и диахронии, – в реальной практике очень много переходных случаев, так что не следует это противопоставление абсолютизировать). Где начало? Очевидно – в речи.

Как только в процессе общения возникают стереотипные ситуации (достаточно подробно описанные нами в четырех монографиях [11, 12, 13, 14]), сразу же из уст говорящего «выскакивают» стереотипные высказывания: *Здравствуйте, я Ваша тетя; Ну да; Конечно; Нужны мне Ваши советы* и т. д. Основная особенность (дифференциальный признак) стереотипных высказываний – частотность их употребления в речи. Таким образом, наступает момент, когда количество «вынуждено» перейти в качество, когда данные коммуникативные единицы попадают в «словарь» – в такую же систему, как язык, – и речевые явления становятся фактом языка.

На возможность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения обратил внимание еще в начале 50-х гг. XX в. Э. Бенвенист. «Язык является языком субъекта, инструментом его действия и практического отношения к внешнему миру, способом воздействия на людей», – заявляет сегодня В. М. Шаклеин [25, с. 507]. Однако язык социален по своей сути: «... происхождение и преобразование языка никогда не принадлежат одному человеку, но только – общности людей; языковая способность *покоится в глубине души каждого отдельного человека, но приводится в действие только при общении*» (курсив наш. – Л. М.) [5, с. 381].

Язык функционирует в социальной среде, и социальные факторы влияют на его функционирование и развитие. «Язык обслуживает общество во всех его сферах, является отражением общественного сознания, реагирует на изменения во всех сферах общественной жизни и, наконец, сам создается и формируется общест-

вом. Более того, люди, используя язык в своей общественной практике, по-разному относятся к нему, к одним и тем же языковым явлениям и, предпочитая одни, отвергают другие» [26, с. 11].

Частотность – фактор социальный. Распространенность и частое повторение той или иной конструкции, формы слова – это факт социального предпочтения. Именно частотность употребления в речи готовых воспроизводимых единиц языка в их постоянной комбинаторике и постоянном значении привела к образованию речевого стереотипа/стандарта, или, в терминах В. В. Красных, стереотипа-представления [7, с. 270].

Понятие «социальный стереотип» принадлежит У. Липпманну. «Стереотип, – пишет он, – есть средство, с помощью которого изображается мир и которое “решает” в каждый данный момент, что человек должен делать. Таким образом, мы противостояем не миру как таковому, а миру, созданному имеющимися в голове образами» [27, с. 97]. В. В. Красных под стереотипом понимает «некий инвариант поведения, инвариант деятельности» [7, с. 266].

Внешними характеристиками стереотипа, по У. Липпманну, являются устойчивость, ригидность, усвоение личностью «социально санкционированной информации», связь теоретического уровня общественного сознания с обыденным/эмпирическим уровнем [27, с. 98].

Речевое поведение говорящего определяется «комплексным ситуационно-тематическим фактором» [9, с. 56]. Ситуации и аспекты взаимодействия людей в их повседневной жизни часто повторяются и потому стереотипны. В свою очередь, повторяемость и стереотипность жизненных ситуаций привели к образованию целых стереотипных высказываний, которые в лингвистической литературе называются *предложениями-формулами* (О. Есперсен), *шаблонными фразами* (А. П. Якубинский), *устойчивыми формулами общения* (Н. И. Формановская), *фразеологизированными* (П. А. Лекант), *нечленимыми* (В. Ю. Меликян) или *стационарными предложениями* (А. М. Пешковский, Н. В. Черемисина, А. Б. Матевосян).

С другой стороны, частотность употребления данных «речений» определяется тем, что они в виде готовых фраз имеются в «ассортименте словарного, фразеологического мышления» [19, с. 59] или

внутреннего лексикона людей для выражения определенных идей. Они сосуществуют в сознании носителей языка в виде готового, заранее (до общения) данного набора, из которого говорящий делает выбор в зависимости от задач, условий, ситуации общения. Иначе говоря, стереотип-ситуация предопределяет стереотип поведения и стереотип представления, т. е. речевой стереотип, который хранится «в сознании человека в виде *фрейм-структур*»¹ [7, с. 270]. Так, стереотип-ситуация «транспорт – билет» рождает стереотип поведения: обращение к ближайшему пассажиру с устойчивыми фразами «*Передайте, пожалуйста*» / «*Пробейте*» / «*Прокомпостируйте*», ... (последние высказывания могут не восприниматься как стереотипные в тех городах, где билеты не компостируются при посадке).

Языковое сознание многопластово. В. В. Красных выделяет в нем следующие слои/пласты: 1) мифопоэтический; 2) стереотипный; 3) информационный; 4) метафорический. «Стереотипный слой/пласт представлен собственно стереотипами-представлениями, как образами, так и ситуациями, с данными образами связанными» [8, с. 121].

Итак, стереотипный слой/пласт, наряду с другими, является **составляющей структуры языкового, или «лингвокультурного», сознания** (Н. В. Уфимцева).

Механизм образования стереотипных высказываний заключается в множественном повторении при общении в однотипных речевых ситуациях, которое приводит к тому, что коммуникативные единицы, типизированно обслуживающие такие ситуации, воспринимаются как «связанные» устойчивые формулы. Это было замечено еще Л. П. Якубинским. В работе «О диалогической речи» он пишет: «Наш повседневный быт заполнен повторяющимся и шаблонным; в общей сумме наших взаимодействий с другими людьми весьма изрядная часть принадлежит шаблонным взаимодействиям; но наши взаимодействия, каковы бы они не были вообще, всегда сопровождаются речевым взаимодействием, речевым

---

¹ «Фреймовая гипотеза» об устройстве человеческих знаний о мире принадлежит американскому специалисту в области искусственного интеллекта М. Минскому, см.: Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М., 1978.

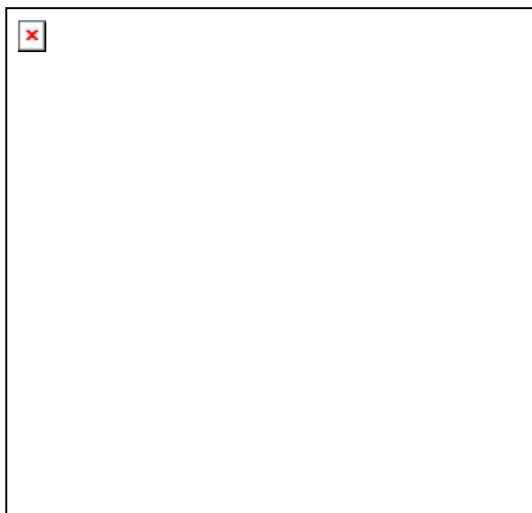
обменом, и, соответственно этому, шаблонные взаимодействия образуют шаблонными речевыми взаимодействиями...» [28, с. 167]. И дальше: «Говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора» [28, с. 175].

Стереотип мышления навязывается социальной структурой и находит отражение в поведении человека, в частности речевом поведении. Последнее, как правило, адекватно отражает реальный мир – определенную социальную структуру с определенным типом мышления.

Появление стереотипных высказываний обусловлено прагматикой языка, его направленностью на общение, которая вызывает потребность в стандарте. Роль стереотипных высказываний в процессе общения велика. В. М. Соковнин в любопытной работе «О природе человеческого общения» размышляет: «Очевидно, стандартизация, понимаемая как процесс установления стереотипов в предметной деятельности и человеческих отношениях, является одним из общих принципов построения организованных социальных систем» [21, с. 105]. Это же подчеркивает В. П. Левкович: «Чтобы функционировать как единое целое, как сложная социальная система, общество должно установить такие рамки поведения индивидов, в которых это поведение становится единообразным, стабильным, повторяющимся» [10, с. 212].

Сегодня стереотипные высказывания получили психологическое объяснение и обоснование в так называемой стереолингвистике. Стереолингвистический подход – это такой подход к языковым явлениям, который основан на идее восприятия высказывания слушающим в зависимости от близости его (высказывания) к телу (some) говорящего. Согласно стереолингвистическому подходу, человек живет в четырех концентрических сферах. Французский лингвист Ж. Дюрэн, основоположник стереолингвистики, называет их *сферами когниции*, или *когнитивными подмирами*. Сфера первая – сфера единичного, или актуального. Вторая – сфера частного, а также неактуального, обычного. Этот когнитивный подмир характеризуется привычным, каждодневным поведением говорящего. Третья – сфера общего. Она огромна по своим разме-

рам и «претендует» на универсальность. Еще одну – нолевую сферу, самую близкую к телу человека – Ж. Дюрэн называет ситуационной [6, с. 275–276]. Свои «соображения» Ж. Дюрэн дает в виде диаграммы с общеизвестным рисунком Леонардо да Винчи в центре (рисунок).

Четыре сферы когниции

Отмечая эвристический характер своего подхода, Ж. Дюрэн считает, что «благодаря ему можно обратиться по-новому к решению разных вопросов и в области филогенезиса человека, и в области онтогенезиса, и в области психологии, и в области лингвистики» [6, с. 277].

Именно стереотипные высказывания (вроде *Еще бы! Держи карман шире!*), не поддающиеся членению, привели Ж. Дюрэна к открытию четвертой, нолевой сферы, самой близкой к коме (телу) человека: «Время-пространство сферы нолевой сужено почти до точки; пространство – это место, занятое данной сущностью или носителем данного свойства, и непосредственная его близость; время – это данное мгновение, без всякого осознаваемого прошлого или будущего. Человек, только что наступивший на кнопку бо-сой ногой и испустивший крик или громкое ругательство, дает представление о речевом (и неречевом) поведении в рамках сферы нолевой» [6, с. 275].

При выделении полевой сферы когниции Ж. Дюрэн опирается на идеи французского психолога А. Валлона, который противопоставляет дискурсивному/речевому уму ум практический [29, с. 264–265] и в качестве иллюстрации последнего приводит следующий пример: шимпанзе видит висящий банан, кричит, жестикулирует – и вдруг подтаскивает ящик, вскарабкивается на него и хватает банан, однако если банан и ящик не оказываются одновременно в поле зрения шимпанзе, то животное не находит правильного решения. Встречаются особи, которые вообще не умеют находить его.

Стереотипные высказывания имеются в виде готовых фраз в ассортименте словарного мышления человека, но всплывают в памяти в определенной конкретной ситуации (ситуация выполняет функцию ящика в примере А. Валлона), а у некоторых людей вообще не возникают в голове, ибо объем оперативной памяти человека невелик и у разных людей различен. Такие высказывания являются произвольной реакцией на внешний раздражитель – *ситуацию*. Ситуация выполняет роль условного рефлекса.

Действительно, весьма существенной особенностью характера людей является то, что при некоторых обстоятельствах совершаемые ими действия происходят в силу автоматизма, т. е. без предварительного обдумывания, часто вопреки объективной логике. Однако автоматизм в действиях людей – это не только и не столько следствие биологических обусловленностей, сколько результат социального воздействия на личность. Биологическое здесь проявляется в «редуцированной социализированной форме» [18, с. 121]. Стереотипность мышления и речевого поведения обусловлена, очевидно, боязнью человека/людей остаться в «изоляции».

Эволюция языка и мышления происходила в тесной взаимосвязи. Изучение взаимоотношения языка и мышления продолжает оставаться в центре внимания лингвистов (Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева и др.). Важное место при исследовании этой проблемы по-прежнему отводится гипотезе Сепира – Уорфа, которая, хотя и подверглась сокрушительной критике, ввела в научный обиход новую парадигму – «анализ когнитивных процессов путем сопоставления языков, представляющих кардинально разные культуры» [4, с. 163] – и «продолжает волновать человеческий ум» [16, с. 65].

Несмотря на специфику конкретных языков, языкознание использует для их описания во многом сходную модель. Аналогичность моделей задается не только априорно, дедуктивно, но и конкретным материалом отдельных языков. Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ утверждал: «... все настоящие науки являются естественными <...> и, если претендуют на настоящую научность, должны следовать индуктивному, а затем дедуктивному методу» [2, с. 278].

В. фон Гумбольдт считал конечной целью сравнительного языкознания «тщательное исследование разных путей, какими бесчисленные народы решают всечеловеческую задачу создания языка» [5, с. 47], ибо, по его же, на наш взгляд, убедительному мнению, «не только элементы языка, но и сами языки подчиняются часто законам общей аналогии» [5, с. 348]. Разговорный стандарт, с нашей точки зрения, одна из таких аналогий. Сравнение языков «по всем мыслимым законам аналогии» [5, с. 346] позволит осмыслить и выявить механизм взаимодействия мышления и языка в процессе речевой деятельности.

Основная трудность любого обучения, в том числе и обучения языкам, – это умение выработать у обучающегося способность в нужный момент призвать на помощь «памяти» правила.

В условиях массовой коммуникации выявление и описание повторяющихся жизненных (бытовых и эмоциональных), а следовательно, и речевых ситуаций (ибо каждая жизненная ситуация сопровождается речевым оформлением) важно и целесообразно, так как наличие перечня/списка коммуникативных единиц, обслуживающих данные ситуации, поможет преподавателю-практику при обучении любому языку как иностранному.

Сравним, например, выражения приветствия в русском, армянском, английском и японском языках. В первых трех языках обнаруживается полное соответствие: приветствие охватывает широкую ситуацию (русск. *Здравствуй (-те), Привет*; арм. *Բարև ձեզ* [*barev (dzez)*], *Ողջուն'յն* [*vokht'uin*]; англ. *How do you do? Hello*) и временную ситуацию (русск. *Доброе утро, Добрый день, Добрый вечер*; арм. *Բարի լույս* [*bari luis*], *Բարի օր* [*bari or*], *Բարի գիշեր* [*bari gisher*]; англ. *Good morning, Good day, Good evening*). Японские приветствия, по наблюдениям А. А. Акишиной и К. Камогавы [1, с. 9–

24], отличаются большей ситуативной дробностью: они связаны с ситуациями местоположения собеседников – особые приветствия при входе в помещение, при выходе из помещения и т. п.

В русском, армянском, английском языках приветствия дифференцируются по стилям (официальному, нейтральному, дружескому). В японском языке – по степени вежливости (начиная с дружеских, фамильярных и кончая почтительными, подчеркивающими дистанцию).

У каждого народа в силу национальных и культурных особенностей свое видение, своя модель мира, которая, в свою очередь, имеет «свой языковой каркас» [4, с. 163]. «Так, например, у кавказских народов, – пишет Р. Б. Сабаткоев, – существуют строго регламентированные формы обращения, приветствия, прощания и т. д., служащие для выражения доброжелательства, уважения и сочувствия к человеку. Некоторые из них в определенной мере отличаются от соответствующих речевых формул русского языка» [20, с. 472]. «В корейском языке, – отмечает Н. Б. Мечковская, – категория вежливости насчитывает семь ступеней: 1) почтительная, 2) уважительная, 3) форма вежливости, характерная для женской речи, 4) учтивая, 5) интимная, 6) фамильярная, 7) покровительственная. Для каждой формы вежливости характерен свой набор грамматических, словообразовательных, лексических показателей. Существуют также грамматические и лексические синонимы, основное различие между которыми состоит в том, что они сигнализируют разную степень вежливости» [16, с. 60–61].

Эти два «лингвокультурных типа»¹ – в духе терминологии Б. Уорфа [23, 24] – можно назвать европейским и восточным стандартом. «Язык не только продукт общества, но средство формирования его мышления и ментальности», – утверждают Э. Сепир и Б. Уорф [17, с. 345]. «Если воздействие культуры на язык вполне очевидно и разнообразно, то вопрос об обратном воздействии – языка на культуру – остается открытым» [16, с. 61]. Современная

---

¹ Понятие, предложенное Б. М. Гаспаровым (см.: Гаспаров Б. М. Введение в социограмматику // Проблемы языковой системы и ее функционирования. Тарту: Изд-во Тартуск. гос. ун-та, 1977). Б. М. Гаспаров выделяет западноевропейский и восточноевропейский стандарт. В памяти же всплывают строки из Р. Кипплинга: «Запад есть Запад – Восток есть Восток, И вместе им не сойтись».

лингвистика при решении этой проблемы старается уйти от одностороннего детерминизма к взаимному и пытается найти корреляции между структурами языка и культуры.

Стереотипные высказывания, как и всякий стандарт, менее информативны, чем нестереотипные. Это обусловлено тем, что первые часто повторяются в речи. Однако этот факт не уменьшает значимость их изучения, ибо стереотипные высказывания – результат действия (проявления) такой функции языка, как овладение общественно-историческим опытом человечества (термин А. А. Леонтьева), или аккумулятивная функция – функция накопления общественного опыта и знаний (термин В. А. Аврорина)¹. Обладая смысловой самостоятельностью, эти высказывания не могут быть правильно истолкованы вне соотнесения с фактами культуры, что подтверждает мысль, высказанную В. Н. Телия: «...*“чужая культура – это идиома”*, поскольку ее содержание не мотивировано для непосвященного в нее, а потому не прозрачно для него и *не отрефлектировано*» (курсив наш. – Л. М.) [22, с. 226].

Литература

1. Акишина А. А., Камогава К. Сравнительный анализ русского и японского речевого этикета // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.

2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.

3. Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г., Прохоров Ю. Е. Национально-культурные единицы общения в современном культурном пространстве – лингвометодический аспект // Русский язык в Армении. 2003. № 3.

4. Василевич А. П. Описание фигуры человека в лексике семи языков: универсалии и различия // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания РАН, 1993.

5. Гумбольдт В. Фон. Язык и философия культуры: пер. с нем. М.: Прогресс, 1985.

---

¹ О «функциях языка» см.: Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977.

6. Дюрен Ж. О стереолингвистике // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

7. Красных В. В. Стереотипы: необходимая реальность или мнимая необходимость // Материалы IX конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.

8. Красных В. В. Современная научная парадигма: лингвокогнитивный подход // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка, Москва, фил. фак. МГУ, 18–21 марта 2004 г.: тр. и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

9. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. Изд. 2-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2003.

10. Левкович В. П. Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976.

11. Матевосян А. Б. Стационарные предложения в современном русском языке. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1992.

12. Матевосян А. Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. Москва; Ереван: Ин-т языкознания РАН; Изд-во Ереван. ун-та, 2005.

13. Матевосян А. Б. Языковое сознание. Стереотипный пласт. Москва; Ереван: Ин-т языкознания РАН, 2007.

14. Матевосян А. Б. Стереотипный пласт языкового сознания: от стандартного к оригинальному. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

15. Меликян В. Ю. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 2002.

16. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 2000.

17. Митрофанова О. Д. Лингводидактические уроки и прогнозы конца XX века // Материалы IX конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.

18. Педагогика высшей школы / отв. ред. Ю. К. Кабанский. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1972.

19. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию: избр. работы. М.: Наука, 1968.
20. Сабаткоев Р. Б. Речевой этикет как важное средство воспитания культуры общения // Материалы IX конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.
21. Соковнин В. М. О природе человеческого общения (Опыт философского анализа). Фрунзе: Мектеп, 1974.
22. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа; Языки русской культуры, 1996.
23. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1960. Вып. 1.
24. Уорф Б. Л. Наука и языкознание (о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1960. Вып. 1.
25. Шаклеин В. М. Лингвокультурное содержание слова и предложения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.
26. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. М.: Высш. шк., 1978.
27. Языковое сознание: стереотипы и творчество. М.: Ин-т языкознания, 1988.
28. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь: тр. фонетич. ин-та практ. изучения языков: сб. ст. / под ред. Л. В. Щербы. Петербург, 1923. Вып. 1.
29. Wallon H. La vie mentale. Paris: Editions sociales, collection Essentiel, 1982.